

Заголовковий комплекс монографії розлогий та інформаційно насичений і справді задає тональність усієї роботи. Окремо наголосимо на вишуканому дизайні книги, який відразу дає початок текстотворенню. Активно задіюючи форзаци та обкладинки, авторка саме сюди виносить ключові теоретичні положення, що засвідчують її наукову позицію. Вибір епіграфу із художнього твору Г.Хоткевича також дає можливість С.Луцак акцентувати увагу на особливостях методики власного дослідження, базованого на синтезі теоретизування та детального аналізу художнього тексту.

Монографія відзначається оригінальністю структурування. Окресливши у «Вступі» трансдисциплінарний характер домінанти, авторка у 4-х розділах книги детально обґрунтувала синергетичну парадигму, процеси когнітивного моделювання у слові та специфіку креативної дії митців порубіжжя ХІХ-ХХ ст., розглянула динаміку рецептивно-комунікативного процесу через енергії естетичного поля, здійснила глибокий аналіз специфіки наукового нарративу. Максимально використовуючи можливості друку, С.Луцак досягла вражаючої «енергомісткості» тексту, вдаючись до численних посилань та приміток. Особливу привабливість мають «Додатки», в яких авторка продемонструвала все наукове розмаїття думки, акумульоване у формі таблиць, схем, тезових положень, яскраво засвідчуючи те, що книга є результатом копіткої і плідної праці справжнього науковця. Ретельно дібрана за проблемою бібліографія (753 позиції) дала можливість дослідниці простежити особливості обживання домінанти в найрізноманітніших аспектах.

Цікавою є інформація про саму авторку, яка закінчила школу у класі з поглибленим вивченням фізико-математичних дисциплін. Думається, що останнє багато в чому пояснює витoki потужної теоретичної думки дослідниці, яка прагне до гранично чіткого і логічно вивершеного формування кожного зі своїх положень. Теоретичність є специфічною домінантою наукового тексту, деколи навіть перевершуючи та притлумлюючи власне художній аналіз літературних творів. Інколи складається враження, що С.Луцак намагається підпорядкувати не завжди слухняну домінанту своїм теоретичним концепціям, що, проте, і надає особливої привабливості книзі, адже домінанта була, є і залишається тим проблемним полем, де завжди є простір для народження нових стратегій наукової думки.

Ева СТРАСЬ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ПЕТРА ЧЕРВИНСКОГО «НОМИНАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ И СЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ»

Петр Червинский. *Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации.* – Тернополь: Крок, 2010. – 344 с. (Библиотека альманаха «Studia Methodologica»)

События последних двадцати с лишним лет, а впоследствии распад советской системы, привели к значительным изменениям, общественным, социальным, политическим и языковым. Язык всегда очень живо реагирует на всякие изменения в окружающей действительности, чаще всего и прежде всего в области лексики, создавая новые единицы в процессе номинации и элиминируя (удаляя) ненужные. Именно такого типа процессы наблюдаются в языке политики, а их описание происходит в рамках относительно нового русла языкознания, известного под определением политической лингвистики. Названная наука проводит языковедческие исследования и поиски в мире языка политики и политиков, часто используя публицистику и масс-медиа. Сама политика – явление сложное и многоаспектное, точно так же сложен обслуживающий эту сферу язык. *Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации* – работа профессора Петра Червинского, специалиста в области языка масс-медиа, исследователя истории развития русского языка. Книга вышла в свет в издательстве «Крок» в Тернополе в 2010 году, в рамках издательского цикла *Библиотеки научного альманаха «Studia Methodologica»*. Насчитывающий 344 страницы труд является результатом свыше двадцатилетних наблюдений, совершаемых над широко понимаемыми вопросами языковой номинации в политическом аспекте. Книга была подготовлена как пособие, составленное на основе лекций, прочитанных в ходе работы международной научной школы для молодежи в г. Екатеринбурге. В ее основу были положены статьи, связанные непосредственно с языком политики, в большинстве своем опубликованные в разных изданиях Польши и России. Рассматриваемые в них вопросы группируются в трех книжных главах, относящихся к номинации, категоризации и эволюции. Они предваряются вводными замечаниями, с которыми следует познакомиться, прежде чем перейти к рассматриваемым вопросам. Теоретические

рассуждения во многих местах подтверждаются данными словарей соответствующего времени: эпохи начала перемен – появления советизированной лексики (30-40-е годы XX века), разгара этого периода (80-е годы) и начала заката (конец XX века). Для сравнения состояния прошлого с настоящим используются данные новых словарей последних лет.

В *Предварении* автор стремится приблизить читателю явление, называемое языком политики, политическим языком, или языком политического воздействия, путем противопоставления его, согласно его задачам и целям, другим языкам «социального» воздействия. Политическая специфика лексических единиц проявляется на уровне номинации, посредством отражения ментальных процессов в их языковых проекциях. Соответствующие единицы, создавая на основании определенных признаков разновидность языкового политического кода, подлежат категоризации. Лексика, квалифицируемая таким образом и подвергающаяся изменениям в категориях, с одной стороны, а с другой, по отношению к общему национальному языку прослеживается в эволюции. Основная ось работы обозначается этими тремя точками зрения, тремя аспектами изучения лексики. Приближая затрагиваемые проблемы, П. Червинский уточняет, что будет заниматься оценочной функцией апеллятивов, категоризацией – на примере номинативов языка советской эпохи, а затем изменениями, связанными с процессами десоветизации в лексике. Как пишет автор, для изучения языка нужна определенная временная перспектива: то, что было, как точка отсчета для того, что есть. Это дает возможность увидеть развитие языка во времени, в эволюции, в продвижении вперед на фоне прошлого. В том же предварении автор предлагает основу (схему), отражающую специфику языка политики, которую можно воспринимать как расширенную модель семиозиса, обогащенную диспозитом и экспонентом (оппонентом) в сфере субъекта, а также довольно сильно разветвленную в сфере объекта и отражаемую соответствующими средствами определенного языкового кода. Дополнительно, хорошо известная система коммуникативного взаимодействия, которая действует здесь только в одном направлении (от адресанта к адресату), снабжается необходимыми с точки зрения политического дискурса (воздействия) деталями, о чем можно узнать из схемы (с. 15-16). В ходе изложения уточнению подвергается и само понятие политики, трактуемой как общественное мнение, выражаемое, с одной стороны, широкими массами, с другой, государственными и партийными элитами. Политика сопровождается действием, различного рода активностью, находя свое отражение в языке. Язык политики понимается как особый тип дискурса, формирующегося параллельно с развитием языка, опирающегося на толкование идеологии как совокупности идей. Язык политики предполагает особое, фильтрующее восприятие действительности, порождаемое в сознании адресата. В развитии русского языка наблюдаются горячие периоды, сопровождаемые явлениями, называемыми европеизацией (период Петровских реформ), советизацией (20-е годы XX века) и массовизацией (конец XX – начало XXI века). Если сосредоточиться на тенденциях последнего времени, то заметной становится деидеологизация языка, не в смысле прекращения ее наличия, а, скорее всего, в виде некоторого размывания, перехода на другие позиции. Характерным аспектом языка политики на фоне общего национального языка являются, прежде всего, особая лексика и фразеология. Процесс порождения такого типа единиц является предметом описания в первой главе – *Номинация*.

В ней представлены апеллятивы языка политики как особый тип высказываний, коннотация и оценочность которых возникают из системно нейтральных единиц, вступающих в синтагматические отношения. Подчеркивается безобратность (необратимость) коммуникативного акта, проходившего в ситуации, когда отправитель текста играет роль адресата / оппонента. В дальнейшем описанию подвергаются сами апеллятивы, как имплицитные свернутые высказывания. В этом подразделении упор делается на синтаксическую и семантическую организацию апеллятивов с учетом выделяемых автором категорий интензива, изолятива и имитатива.

Существующая действительность соотносится со временем, меняется во времени, точно так же, как меняется язык, ее представляющий, в том числе и язык политики, а вместе с ним социальная оценочность в публицистическом тексте. Ее можно свести к пяти типам, определяя в отношении: 1) силы, 2) статуса, 3) дистанцированности, 4) приобщения, 5) перехода (приобретения – утраты). Каждому отдельному типу оценки соответствуют на уровне лексики свои средства, применяемые в масс-медиа. В качестве иллюстративного материала даются примеры, взятые из трех газет умеренно-демократического и либерального направления.

Следующая часть исследования посвящена вопросам *Категоризации*, производимой с опорой на язык советской эпохи с определенной диахронической перспективой. Намечаются самые основные, характерные для советизированного языка классы слов, взятые из «Толкового словаря языка Советских», которые можно свести к трем группам: субъектной, объектной и предикатной. В составе первой группы рассматриваются слова, относящиеся к названиям лиц, их совокупностей, объединений, организаций и т.п. Объектная часть содержит названия мест и предметов. Следует добавить, что в обоих случаях это слова, связанные с советской действительностью, т.е. названия учреждений и организуемых ими лиц. То же самое можно сказать о названиях объектов (объективов) и мест. Предикатная часть складывается из

определения действий – активных и пассивных, рассматриваемых в группах компрессивов, прогрессивов, проективов и др. Категоризация пополняется более детальными данными, относящимися к названиям человека в языке советской эпохи. Эта разновидность лексем подвергается более тщательному анализу с точки зрения категориальных признаков, выделяемых в их семантике – с одной стороны, и представляющих собой принцип деления по отдельным классам – с другой. Следует добавить, что «человек» понимается здесь шире, как антропоцентрическая единица, входящая в различного рода организационные системы, осуществляющая действия и поддающаяся (подвергаемая) им. В более узком смысле человек помещается в классы –представителей, деятелей, позиционеров, носителей признаков и т.п.

Антропоцентрический подход продолжается в следующей главе, относящейся к семантике негативно-оценочных категорий при обозначении лиц. Названия лиц распределяются по степени их «советскости», начиная с тех, которые использовались в публицистике как средство резкого осуждения (*авральщик, саботажник*), и кончая теми, которые прямого отношения к советским временам не имеют (*бабник, молодчик*). Много места в исследовании отводится для объяснения происхождения, коннотаций, семантических категорий, связанных со словом *несун*. Другим всесторонне рассматриваемым словом выступает *болтун*. В ходе анализа обсуждению с точки зрения степени советизированности подвергается 12 дериватов с суффиксом *-ун*. Они распределяются по четырем степеням советизированности, причем наиболее свойственными эпохе оказываются два упоминаемых и *топтун / топотун*. В дальнейшем по ходу анализа обсуждается большее количество существительных с разными суффиксами, несущих в себе негативную оценку. Она создается признаком декорпоративности, который можно свести к дескрипции 'действовать вопреки целям, к которым стремится общественный коллектив (корпорация)'. Декорпоративность имеет свои категориальные основания, которыми являются – место, знание, поведение, действие, обладание, кумуляция, презентия. Семь указанных категориальных значений отображают устройство парадигмосистемы советизированного языка, которая действует как основа для соответствующего производства и восприятия смыслов. Слова с противоположной коннотацией могут создавать другую парадигматическую картину. Образованная ими система подвергается описанию с точки зрения организующих принципов. Положительно оценивающие единицы тождественны по форме в языке советской действительности и в языке эпохи, но они отличаются оттенками смыслов. Теоретические положения на пути установления их парадигматических и синтагматических отношений прослеживаются на примере лексемы *стахановец*, получающей в трех словарях разных времен, а также в словаре арго, не одинаковые толкования. Рассуждения в области того, кого или что данное слово означает в разное время, производятся на примере слова *летчик* – с советским временем прямо не связанного. Доказывается, что референциальная сторона значения входит в общую референтивную систему, отражающую советскую действительность в разное время (сороковые годы, семидесятые годы и рубеж XX – XXI веков). В зависимости от времени слово получает в словаре не одинаковое толкование, что в общих чертах соответствует его восприятию и пониманию. В результате, словами, отражающими советскую действительность, не являются лишь советизмы. Последнее в этой главе подразделение описывает семантику позитива в обозначении лиц. Указывается на двойную природу такой оценки. С одной стороны, это оценка имманентная, с другой – наоборот, идущая извне. Выделяются четыре противопоставленные ролевые проявления: наделенный / отмеченный, принадлежащий / нужный, причастный / поставленный, действующий / организуемый. Рассматриваемые характеристики иллюстрируются примерами, подтверждающими их сущность. На этом обсуждение негативов и позитивов в лексике советской эпохи заканчивается, давая только общее представление о сложности затрагиваемого вопроса.

Следующая глава относится к *Эволюции*. В ней обсуждается вопрос перехода политических языков и систем к каким-то новым своим состояниям. Прослеживается переход от языка советского времени к языку последующего периода. Выявляются некоторые процессы в области качественной характеристики лексем, а также в отношении активного и пассивного запаса слов. Упоминаемые процессы имели место в связи с изменениями парадигмы языкового сознания, проявляясь в изменяющемся характере речевого производства и восприятия текстов носителями языка. Наблюдаемые явления, относящиеся к речевым стратегиям, прослеживаются путем сравнения состояния языка конца XX – начала XXI века с состоянием тридцатых годов и второй половины XX века. Поскольку проследить изменения в целом словарном составе невозможно, для анализа отбираются образования с префиксом *не-*, которые обсуждаются в двух фрагментах, с двух сторон. В первом исследуются лексикографические единицы, обладающие едва уловимой советскостью, словарные дескрипции которых можно свести к следующим положениям: приставка *не-* придает значение полной противоположности, ограниченной противоположности, отсутствия; лица или предмета не совершаемого или неспособного совершить действие, называемое основой. Все эти значения подтверждаются отобранными из словаря второй половины XX века примерами образований с *не-*, главным образом, прилагательными. Согласно предварительным подсчетам, советской заряженностью обладает около 10% всех просмотренных

образований. Во втором фрагменте отрицание рассматривается как семантическая категория, отражаемая не только внутренней структурой слов, но и как получающая реализацию в прагматике. На этом основании обсуждается стратегия отрицания, характерная для образований с *не-*, дающая возможность, с одной стороны, через противоположность идентифицировать, с другой стороны, оценивать отрицательно или положительно. Для приближения проблемы речевых стратегий сопоставляется словарное толкование прилагательного *неаккуратный* с его употреблением в речи. В третьем фрагменте, относящемся к образованиям с приставкой *не-*, рассматриваются тенденции развития их значений в конце XX столетия, в постсоветское время. Характерной чертой лексем является легко возникающая возможность образовать отрицательный вариант, часто лексикализованный. Семантический механизм их возникновения прослеживается на основании слов *друг – не друг – недруг*, *люди – не люди – нелюди*. Появление большого количества образований с *не-* вызвано тенденцией к усилению функциональной мобильности языковых единиц в связи с социально-политическими изменениями и вхождению в язык масс-медиа лексики, обслуживающей новые сферы жизни. В ходе анализа приводятся новые, ранее не фиксировавшиеся орфографическими словарями образования с приставкой *не-*, распределяемые по тематическим областям.

В дальнейшем обсуждению подвергаются генеративно-перцептивные процессы, отражающиеся в состоянии языка последнего десятилетия. Всякие изменения в языке обусловлены изменениями, происходящими в обществе. Социальные изменения вызывают ускорение языковых процессов, нагромождение инноваций, которые не сразу осваиваются языковой системой, создавая впечатление нестабильности и хаотичности. Впоследствии происходит активизация актуального языкового ядра, и некоторые процессы начинают себя проявлять как тенденции развития. Процессы стремятся себя воплотить в языке, вытесняя при этом старое. Меняется способ отражения действительности в языке. Внутренние языковые механизмы особо заметны в случае сопоставления двух значений одной лексемы – уходящего и актуализирующегося. В качестве примера привлекается слово *авангард*. Объясняются на примерах также внутренние, мотивирующие основы проекций языковой динамики.

Следующая часть работы посвящена процессам обновления лексического состава. Процессы эти непосредственно связаны с уходом из языкового обихода неактуальной лексики. Само понятие уходящей лексики довольно сложное, поскольку относится к словам, которые в своей перспективе обречены на существование в пассиве. Прежде всего выходят из употребления слова, в большей степени заряженные советскостью, чаще всего те, которые теряют соответствующий денотат (референт). Другие единицы подлежат трансформациям, семантическим смещениям, передвижениям. Третьи продолжают использоваться, подвергаясь сближению, нейтрализации, совпадению со своими прежними значениями или сосуществовая с ними. Толковые словари разного времени не всегда соответствующим образом отмечают и передают семантические нюансы, коннотации или ассоциации, связанные с определенной семантической единицей, что показано на примере прилагательного *пламенный*. Однако состояние языка отражает менталитет носителей, и, вероятно, в этом нужно искать возможности сохранения, продления жизни слов, которые уже не должны бы, по существу, в языковой системе присутствовать.

Очередная глава посвящена рассмотрению довольно сложного перехода в пассив советизмов, содержащих негативную оценку. При обсуждении такого типа лексики внимания заслуживают слова, которые отражают советское время в общественном сознании, воспринимаются как единицы периферийного характера, а также, с точки зрения изучения языка, оцениваются как мета прошлого. Проблема рассматривается на основании советски маркированных названий лиц, которые определяются с точки зрения степени и вида узуальной причастности языку советского времени. Изучаемые единицы распределяются по шести группам с учетом, прежде всего, ослабевающей связи лексем с советским временем, но также и нейтрализации, обновления и трансформаций, преобразования, обновления и т.п. Представленные явления связаны в своей сущности с идеологическим компонентом значения, природа которого изучена, по мнению автора, далеко недостаточно, особенно в свете лексикографической практики. Некоторые слова, идеологически заряженные, фиксируемые новыми толковыми словарями, подвергаются деидеологизации. Этот процесс прослеживается в следующем фрагменте работы.

Некоторые слова, снабжаемые в словарях советского времени пометами «буржуазный», «реакционный», «капиталистический» и т.п., подлежат деидеологизации путем удаления такого типа комментариев. Заметным становится отсутствие объективного построения словарной статьи, с учетом общественной системы оценок или концептуальной нагруженности слова. Такого типа практика, невозможность порвать с прошлым сказывается на продлении существующей где-то глубоко в человеческом сознании (носителей языка и составителей словарей) связи с советской идеологией. Автор показывает суть этого явления на основании слова *ревизионист*, толкуемого через *ревизионизм*. Кроме того, предлагает, с целью уточнения границы между идеологически маркированной лексикой советского времени и новой, незаряженной, описать словарный состав советизированного языка. Это создало бы возможность определенной ретроспекции, поворота назад, чтобы с большей силой оттолкнуться от старого и констатировать состояние современного. С такой, между прочим, целью был подготовлен

автором словарь «Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц» (объемом 30 печ.л., описывающий ок. 400 единиц). Основные положения словаря излагаются в предисловии к нему, а само предисловие содержится в следующем фрагменте работы.

В нем излагается способ «формирования нового человека», естественно, советского человека, который был средством, целью материалом воплощения социальных идей. Большой интерес для описания представляет не столько сама идеология и заложенный в ней особый социально-психологический эксперимент, сколько методы и приемы его проведения. Одним из них было создание нужного человека при помощи языка и внутри языка. Оттуда произошли идеология и пропаганда, воплощаемые в языке. Кроме этой официальной сферы языка существовал еще другой его вариант, соотносимый с официальным. Оба варианта взаимопроникались, создавая общий язык советского времени. На этом языке говорил «настоящий советский человек», т.е. умеющий себя вести в коллективистском обществе и наделенный необходимыми положительными чертами. В связи с чем возникает потребность выделить, назвать людей, наделяемых членами советского общества отрицательными чертами, которые порицались, отвергались и исключались. Именно это и было положено в основу замысла создания словаря. Негативно оценочные лексемы представлялись не только в традиционном лексикографическом описании, но и с учетом их узуально-речевой специфики. Строение словарной статьи отличается от типичной для толкового словаря большим количеством узуально-коммуникативных, эмоционально-оценочных и экспрессивных помет, а также исторических комментариев. В составе словарной статьи помещены также слова производные и близкие по значению. Дефиниции лексем довольно развернутые. Характер помет относительно сферы и формы употребления не типичен по сравнению с традиционными словарями. Пропускаются в нем также, обычно присутствующие, пометы грамматического характера. После предисловия в качестве образца дается несколько примеров словарных статей. В приложении помещается список публикаций автора по рассматриваемым проблемам.

Рекомендуемая читателю книга позволяет почувствовать атмосферу времени, когда границы политических систем значились витками колючей проволоки. В ней содержится много интересных рассуждений, опирающихся на тщательные наблюдения над языком политики, совершаемые автором. Она представляет интерес как в терминологическом, так и систематизирующем, организующем смысле. Книга полезна для лингвистов, филологов, культурологов, политологов – для всех, кому близки вопросы речевого и политического воздействия, номинации, семантики, языка масс-медиа и изменений, происходящих в языке.

Мар'яна БАРАБАШ

«ДОСВІД КОРОНАЦІЇ» КОСТЯ МОСКАЛЬЦЯ, або РЕЦЕПТ «ВЕЧІРНЬОГО МЕДУ» НА ВСІ ВИПАДКИ БУТТЯ

Костянтин Москалець. Досвід коронації: Вибрані твори: Роман, повість, оповідання, есеї. – Львів: ЛА «Піраміда», 2009. – 220 с.

Видавничий проект сучасної літератури «Приватна колекція», започаткований у 2002 році Василем Габором, пропонує читацькій увазі книжку вибраного Костя Москальця – найповніший прозовий доробок автора популярних пісень «Вона», «Ти втретє цього літа завітеш...», есеїстичних книжок «Людина на крижині» (1999) та «Гра триває» (2006), щоденникових записів «Келія Чайної Троянди» (2001). До вибраних творів Москальця увійшли провокативно-претензійно-автобіографічний роман «Вечірній мед», повість «Досвід коронації», есеї «Дев'ять концертів», «Споглядання черешні», «Сполохи (На тлі 45 хоральних прелюдій Йоганна Себастьяна Баха)», «Нові сполохи» та майже хрестоматійні тексти «Людина на крижині» і «Місяць милування місяцем». В оформленні книги використано фрагменти улюбленого для всього українського андеграунду 70–80-х років ХХ століття німецького художника Пітера Бройгеля (Старшого).

Уважний читач і прихильник Москальцевої творчості має честь бути свідком “дозрівання” письменника-сучасника до свого “вбраного”. Цей процес, звісно, у кожного письменника відбувається цілком індивідуально. Прикметно, те, що Кость Москалець на сторінках свого роману «Вечірній мед» сам собі “намріяв” таку книжку – “у ошатних глянцевих оправах, зі сліпучо-сніжними сторінками, без жодної друкарської помилки, з чудовими ілюстраціями Пітера Бройгеля Старшого” (с. 118–119).